

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс,
Глэдис Митчелл – три гранд-дамы
золотого века английского детектива,
основательницы легендарного
«Клуба детективов».

Глэдис Митчелл долгое время
оставалась в тени своих знаменитых
современниц. Однако сегодня
ее книги о расследованиях
эксцентричной миссис Брэдли
переживают второе рождение. Многие
из них экранизированы Би-би-си.

GLADYS
MITCHELL

.....

COME AWAY, DEATH

.....

ГЛЭДИС
МИТЧЕЛЛ

.....

ПОСПЕШИ, СМЕРТЬ!

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

М67

Серия «Золотой век английского детектива»

Gladys Mitchell
COME AWAY, DEATH

Перевод с английского *М. Левина*

Серийное оформление *В. Половцева*

Печатается с разрешения литературных агентств
Gregory & Company Authors' Agents и Andrew Nurnberg.

Митчелл, Глэдис.

М67 Поспеши, смерть! : [роман] / Глэдис Митчелл ; [перевод с английского М. Левина]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-127228-9

Прославленный археолог сэра Рудри Хопкинсон всегда был эксцентричным человеком, но отправиться со всем своим многочисленным семейством в Грецию, чтобы попытаться раскрыть тайну загадочных Элевсинских мистерий, — это, пожалуй, было слишком даже для него.

Миссис Брэдли, снизойдя к мольбам жены сэра Рудри, присоединяется к экспедиции — и скучать ей не придется, ведь именно она обнаруживает человеческую голову, спрятанную в камере, где когда-то держали священных храмовых змей. Случайность? Или намек на мотив убийства?..

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Gladys Mitchell, 1937

© Перевод. М. Левин, 2018

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-127228-9

Глава I

— О Феб! Так протяни мне руку правую,
И поцелуй, и дай поцеловать тебя!
Но ради Зевса, во плетях нам общего,
Скажи мне, это что за крик ужаснейший
И ругань?

1

Миссис Брэдли сидела в баркасе и ждала, когда он перевезет ее на берег с борта парохода «Медуза». На протяжении всего пути из Англии на корабле стоял запах сточных вод. Он шел со всех сторон, подобно песням сирен, переливался из оттенка в оттенок, как краски неба над бухтой, и проникал всюду, словно морской туман. И основное, что ощущала в данный момент миссис Брэдли, был этот запах.

Баркас, собиравший возле своего носа пену и мусор, казался почти таким же неподвижным, как любое из зданий на краю бухты. На юге миссис Брэдли могла видеть остров Саламин, на севере — отвесную скалу Акрополя, обрамленную холмом Ликабета. Склоны его были голые, а вот вершину украшали колонны храмовых развалин.

Темнолицый рябой киприот, назойливо пытавшийся заинтересовать пассажиров листьями гашеных марок, куколками в костюмах греческих крестьян и открытками с видами Афин, нахло-

нился к миссис Брэдли и доверительно произнес, указав на сооружение за ограждением:

— Акрополь!

Потом с видом фокусника, достающего из шляпы кролика, выхватил лист марок. Миссис Брэдли улыбнулась. Торговец, опустив лист, озабоченно пробормотал молитву и перекрестился. Потом подхватил марки и энергично ими встряхнул, демонстрируя следующему пассажиру.

Миссис Брэдли, продолжая вдыхать навязчивый запах сточных вод, смотрела, как двое матросов грузят на баркас ее багаж. Она встала и дала им денег. Двое мальчишек, без отдыха мотавшиеся по суденышку, поглядели на этот багаж и отошли к своим старшим.

— Еще кто-то ходит на берег, — сказал один.

— Подшипники раскаляются почти докрасна, — объявил другой.

Возможно, капитан баркаса тоже заметил эту идиосинкразию у подшипников, и судно вдруг издало вызывающий гудок, отдавшийся эхом по гавани. Оно пошло к берегу в суматохе и спешке. Без них, как миссис Брэдли давно заметила, в иностранном порту обычно невозможно убедить никакое плавсредство двинуться в путь. Пароход начал уменьшаться, дома на берегу стали более различимы, запах сточной канавы более сильным, воздух (удивительно, но это оказалось возможным) жарче, а киприот еще более вкрадчивым, разговорчивым и вдохновенным.

Греция приближалась в образе длинного железного пирса. Баркас причалил к нему. Пассажиры поднялись на берег по металлическому трапу. В вонявшей канализацией воде купались мальчишки. В отличие от них, миссис Брэдли было сложно игнорировать отвратительный запах. Труднее

даже, чем кишевших на набережной и пристававших ко всем путешественникам продавцов белых статуэток Венеры Милосской, деревянных змей, открыток и кукол. Так что она быстро зашагала к стоянке такси по широкому, посыпанному желтым песком тротуару. Дежурившие в порту таксисты просто обезумели при виде драхм, которыми миссис Брэдли расплатилась, и набросились на нее. Указав на одного из водителей, путешественница распорядилась:

— Дом сэра Рудри Хопкинсона.

— Да, да! — закричал таксист и распахнул дверь своего экипажа. Остальные, лишившись главного желаемого дохода, налетели на багаж. С пыхтением, шарканьем и быстрыми тирадами на новогреческом уложили его в машину. Раз или два дернувшись, такси рвануло вперед, вставая на дыбы и припадая на передние колеса на полудесятке ухабов и выпирающих камней. Видимо, дорога была вымощена какими-то безответственными рабочими. Мчась по такой трассе из Фалерона в Афины, миссис Брэдли рисковала жизнью своей и полудюжины беспечных прохожих. Последние демократично не признавали ничьей точки зрения, кроме собственной, и потому переходили дорогу почти перед самым капотом автомобиля, не отрываясь, как правило, от чтения газет.

За невероятно короткое время такси подкатило к отелю «Гранд-Бретань». Водитель снова открыл дверцу машины и подал руку миссис Брэдли, швейцар распахнул перед ней дверь гостиницы, чистильщик обуви быстро отполировал ее туфли, а портье вышел ей навстречу.

— Я не в отель хочу, а к дому сэра Рудри Хопкинсона, — твердо сказала дама.

И ее снова усадили в такси, положив обратно уже выброшенные было на землю два места

багажа. Швейцар, проконсультировавшись с портье, что-то сказал водителю, и автомобиль снова ожил. Не прошло и пяти минут, как хозяйка дома, довольно крупная женщина, уже приветствовала миссис Брэдли. Мэри Хопкинсон была слегка неряшлива, но светилась дружелюбием и выглядела милой.

— А Миган и Айвор поехали встречать паром. Не могу понять, почему они не привезли тебя. Я описала им твою внешность детально.

Миссис Брэдли сняла бледно-лиловую автомобильную вуаль с желтыми пятнышками, а вслед за ней маленькую темно-алую шляпку. Пригладив черные волосы рукой, похожей на птичью лапку, улыбнулась:

— Боюсь, дитя мое, твое описание отклонялось от реальности в силу твоей тактичности. Сколько сейчас лет Айвору?

— Двенадцать. Миган — девятнадцать, а бедной милой Олвен — двадцать четыре.

— Тогда Гелерту, я полагаю, двадцать семь.

— Это ужасно, правда?

— Но сколько удовольствия от такой семьи, милая Мэри!

— Не знаю, не знаю. Ты устала? Проводить тебя в твою комнату? Правда, вряд ли ты там долго проведешь, бедняжка моя. А я думаю, — продолжала она, не давая себе труда получить ответ на свои вопросы, — что это очень удачно вышло, Беатрис, что ты приехала раньше всей прочей экспедиции. Понимаешь, я ужасно тревожусь.

— Дорогая моя Мэри!

— Нет, я действительно тревожусь. Олвен ждет ребенка, своего первенца. Ты знаешь, что она вышла замуж за директора той смешной

школы? И я чувствую, что должна быть с ней. Она должна рожать в конце месяца. Это абсурд в такую жару.

— Нет нужды тревожиться даже о первом ребенке, когда дело касается Олвен, милая. Она замечательная.

— Не в Олвен дело, она в прекрасной форме. Просто меня не покидает чувство, что я должна там быть, вот и все. Дело в Рудри.

— Солнечный удар?

— Боже мой, нет! Англичане получают солнечный удар только в Англии. За границей они принимают меры предосторожности. Но мой бедный Рудри! Беатрис, когда Рудри будет тебе рассказывать, ты должна будешь притвориться, что ничего не знаешь. Я опасаясь, чтобы он не подумал, будто я действую за его спиной. Я очень хотела бы, чтобы ты согласилась поехать с ним. У меня свалится камень с души. Мне неудобно тебя просить, но если бы ты только могла поехать!..

— Но куда, дитя мое?

— Куда? Тут непросто будет ответить. Это его очередная сумасшедшая идея.

Мэри подошла к двери и плотно закрыла ее.

— Не такая, как когда он пришел в Британский музей и попытался поднять призраков египетских царей с намерением проверить информацию из Книги Мертвых? — спросила миссис Брэдли с интересом и заметным удовольствием. — Я часто думаю, что со стороны попечителей недальновидно было не дать ему разрешения. Я считала, что это блестящая мысль, а для Рудри — почти практичная.

— В точности такая, только куда хуже.

— Боюсь, ты меня озадачиваешь, Мэри. Что

10 ты имеешь в виду, говоря «хуже»?

— Девственницы, — трагическим голосом произнесла Мэри Хопкинсон.

— Девственницы? — Миссис Брэдли посмотрела на хозяйку с благожелательным любопытством.

Мэри Хопкинсон кивнула:

— Ты очень скоро все об этом узнаешь. Конечно, когда я тебя приглашала, я понятия не имела. В смысле, я бы ни за что тебя не стала впутывать.

— Расскажи все сначала. Я вся внимание и интерес.

— Ну, все это началось с элефсинских мистерий. Понимаешь, Элефсин отсюда всего в тридцати милях, и дорога идет вдоль старого Священного Пути. Рудри прошел по ней в некоем паломничестве. Конечно, мы оба несколько раз ездили туда на машине, но именно пешая прогулка, мне кажется, подействовала на него. В общем, он пришел очень уставший, весь вечер спал в своем кресле, а потом вдруг прямо посреди ночи говорит: «Интересно, что это были за мистерии на самом деле?»

Я что-то проворчала в ответ, потому что все-таки если он весь вечер проспал, то я нет, и на время мы эту тему оставили. Но наутро он к ней вернулся, причем достаточно энергично.

— И что это были за мистерии?

— Никто на самом деле не знает. Но Рудри думает — или говорит, что думает, — если соблюсти все условия, то можно будет выяснить.

— Тебе это не кажется сомнительным, дитя мое?

— Да просто безумным! Весьма маловероятным! Но ты же знаешь, каков он. Так что теперь его ничего не удовлетворит, кроме этого смехотворного путешествия. И все дети должны ехать, и он послал за Александром Карри и его двумя детьми.

А ведь Кэтлин Карри всего двадцать лет. Еще

два года назад она училась в одной школе с Миган. И она слишком, слишком красивая, чтобы слоняться по Греции с кучей молодых людей, не считая греков, которым, моя милая, можно верить, только если они уже настолько стары, что не интересуются девушками!

— Это очень тревожно и притом любопытно, дитя мое.

— Абсолютная наглость, аморальность и совершенно кошачья натура, Беатрис!

— Чудесно, — ответила миссис Брэдли с сухим смешком. — Это мы говорим о Кэтлин Карри или о греках?

— Так что я хочу, чтобы ты поехала, потому что он не ограничится Элефсином, если я хоть что-то в нем понимаю, — продолжала Мэри Хопкинсон, не обратив внимания на бестактный вопрос.

— Я должна буду опекать Кэтлин и Миган? — спросила миссис Брэдли, потратив еще секунду на размышления о неоднозначности последней фразы хозяйки.

— Боже избави, нет, конечно. У них для этого есть отцы и братья. Нет, меня волнуют больше всего мальчики. После бедного Рудри, конечно.

— Мальчики?

— Айвор, Кеннет Карри и этот малыш, которого везет с собой семья Карри. Ты же знала его мать, Беатрис, ну наверняка ведь? Паттерсон его фамилия. Она вышла замуж снова после этого страшного несчастья. Помнишь ее? Очень умная девочка и с самообладанием.

— Я помню. Только не знала, что у нее был ребенок.

— О да. Рожденный после смерти отца. Никто ни минуты не думал, что он выживет. Ему месяц

12 назад исполнилось одиннадцать. Веснушча-

тый и очень серьезный. Очень милый. Очень умный мальчик. Кажется, я слышу Рудри. Беатрис, прошу тебя, ты ничего не знаешь. Он захочет тебе все рассказать, а потом может предложить тебе ехать — сделай вид, как будто ты заинтересована.

— Но зачем мальчикам ехать с ним?

— Я не очень понимаю, как их можно будет не взять. Разумеется, они совершенно одичают, но не вижу, как этому можно помочь. Нет, я не против, чтобы одичал Айвор, но чувствую свою ответственность за Кеннета и маленького Стюарта — ты знаешь, как трудно с чужими детьми. Как бы то ни было, Рудри... ой, тише! Вот он идет. Ты подведи его к разговору на эту тему. Или нет, не нужно, он и так только об этом и думает.

Сэр Рудри Хопкинсон был высоким светловолосым седеющим мужчиной с глазами визионера, руками и плечами кузнеца и роскошными усами викинга. Поздоровавшись с миссис Брэдли, он тут же бросился обсуждать нечто относящееся, очевидно, к предполагаемой экспедиции.

— Я уговорил молодого Армстронга поехать с нами и фотографировать, — объявил он жене, — и Дмитрий Микалос тоже едет.

— Мне оба этих молодых человека не нравятся, — сказала Мэри Хопкинсон, но эта ремарка ее мужем никак замечена не была. Обернувшись к миссис Брэдли, он продолжал:

— Мы едем в Элефсин, Беатрис, оттуда в Эпидавр, посмотреть, что можно сделать с культом Асклепия, бога врачевания. Потом в Микены ради Гомеровых жертвоприношений, оттуда опять сюда, потом переезжаем в Эфес, если не покажется лучше вернуться в Нафплион и оттуда морем. В Эфесе, конечно, мы воскресим почитание Артемиды.

— Я думаю, куда лучше было бы оттуда поездом в Коринф и к Микенам подойти с севера, — сказала Мэри Хопкинсон. Она подошла к окну и выглянула между пластинами жалюзи. — Кажется, эти дети не торопятся в Фалер.

— Болтаются в ожидании Беатрис. А где Гелерт? — спросил сэр Рудри.

— Насколько я понимаю, он в музее.

— Как, опять? Я был бы рад его участию в этой экспедиции. Он совсем закис. Ему надо на солнце и свежий воздух, — ответил его отец.

При этих словах Гелерт вошел в комнату. Это был высокий молодой человек, не слишком напоминающий внешностью своих родителей, потому что, если сэр Рудри походил чем-то на льва, а Мэри была просто приятной крупной женщиной с темными волосами и широкой дружелюбной улыбкой, Гелерт смахивал на гончего пса. Волосы длинные, но тщательно убраны со лба. На носу — пенсне. В основном, как решила миссис Брэдли, для имиджа, потому что, когда отец вышел, он уселся возле стены читать книгу с мелким плотным шрифтом, а пенсне повисло на конце муаровой ленты.

— И как вам мысль об этой экскурсии, дитя мое? — спросила миссис Брэдли, когда он отложил книгу: мать вышла из комнаты, и ему пришлось минуту или две занимать гостью.

— Даже не знаю. Вы едете, тетя Беатрис?

— Меня не приглашали.

— Пригласят. Нас всех в это втянут. Идея смехотворная, но прогуляться будет весело. Греция — решительно самая некомфортабельная из всех европейских стран. Гостиниц нет, тучи насекомых, высокие горы, бездорожье, трудный язык, несъедобная пища — я это обожаю.

— Я тоже, дитя мое. Однажды я прошла пешком от Темпейской долины до Спарты.

— Ужас какой! То есть, я хотел сказать, здорово. Расскажите, как это было? Как вам Дельфы? И как вы поладили с собаками?

— Как Шлиман. Села и помолилась Зевсу Олимпийцу.

— Восхитительно! Вы серьезно? — Молодой человек водрузил пенсне на нос. — Да, вижу, что вы серьезно.

Разговор продолжался, и миссис Брэдли отметила про себя, что вид у Гелерта усталый и напряженный. Беседу прервало появление Мэри Хопкинсон.

— Милый, если ты хочешь умыться, то иди, — сказала она сыну. — Ланч будет через пять минут. Беатрис... кстати, Гелерт, — добавила она, — ты мог бы посмотреть, не приехали ли... а, нет, не надо. Вот они.

Ворвавшаяся группа состояла из двух мальчишек, которых миссис Брэдли видела на баркасе, и еще одного, в котором она узнала младшего сына хозяйки. За ними вошли две девушки и лысый мужчина лет пятидесяти. Последовали представления — хотя миссис Брэдли еще на пароходе познакомилась с семейством Карри — отец, дочь, сын и маленький Стюарт Паттерсон. Начались объяснения, восклицания наперебой и разговоры, продолжившиеся в течение ланча. О проекте сэра Рудри не упоминалось.

После ланча сэр Рудри увел Александра Карри, Гелерт ушел с сестрой и Кэтлин Карри, мальчишки — в крепко надетых рукой Мэри Хопкинсон шляпах — пошли под палящее солнце исследовать город под руководством Айвора, и женщины остались вдвоем.

— Гелерт меня тревожит, — сказала мать молодого человека. — Суток не пройдет, как